

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

КРАСНОЯРСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

ИНСТИТУТ

В О П Р О С Ы
Н А У Ч Н О Г О
К О М М У Н И З М А
И Ф И Л О С О Ф И И

КРАСНОЯРСК 1965

КРАСНОЯРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

65-3

Ф 63 а

**В О П Р О С Ы
НАУЧНОГО КОММУНИЗМА
И ФИЛОСОФИИ**

Материалы теоретической конференции

Красноярское книжное издательство
1965

М. И. ВОЩИКОВА,

старший преподаватель кафедры философии

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В. И. ЛЕНИНЫМ И Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ГЕГЕЛЯ

(Извлечение из подготовляющейся автором кандидатской диссертации)

I

В нашей марксистской литературе общеизвестно, что после II съезда партии, в 1903 г., Г. В. Плеханов стал меньшевиком. Общеизвестно также объяснение этого факта: отрыв теории от революционной практики рабочего класса России вследствие длительного пребывания Г. В. Плеханова за границей, влияния на него международного оппортунизма во II Интернационале, выродившегося к началу первой мировой войны в социал-шовинизм.

Это, конечно, правильное решение вопроса, действительно отражающее общую логику, общий ход идейного развития Г. В. Плеханова. Безусловно, тактический оппортунизм в годы первой русской революции 1905—1907 гг., проповедь единства с ликвидаторами после 1912 г., социал-оборончество с 1914 г. — все это звенья политического грехопадения Г. В. Плеханова, которое невозможно истолковать иначе, как отступничество от революционного марксизма в области практики.

Но как это получилось, как шло постепенное нарастание крена к оппортунизму в области практики? Могло ли оно произойти без определенного отхода от марксизма в области теории, если в практике имелись серьезные отступления? Можно ли иначе представлять себе практику, кроме как отлитую в жизнь теорию?

Неоспоримо, что отход, «изоляция» Г. В. Плеханова от практики революционного движения в России слу-

жил главным определяющим основанием его оппортунистических колебаний и позиций. Это так, но исчерпывается ли вопрос об истоках и причинах отступлений и в ряде случаев прямой измены В. Г. Плеханова революционному марксизму *только* этим основанием? Известно, что В. И. Ленин всегда и неизменно сопровождал разоблачение оппортунистической позиции Г. В. Плеханова, равно как и Каутского и др., в области практики глубоким раскрытием теоретических истоков этой позиции. При этом он систематически указывал на извращенное или недостаточно глубокое понимание ими диалектики К. Маркса. Сама «изоляция» Г. В. Плеханова от практики революционного пролетарского движения в России должна быть, в свою очередь, правильно, научно объяснена. Она не может быть сведена только к внешним обстоятельствам. Безусловно, здесь должны быть и более соответствующие теоретические предпосылки.

Нельзя согласиться с чисто психологическими ображениями о причине позиции социал-оборончества основателя русской социал-демократии, которые имеются в воспоминаниях о нем современников. Вот, например, как О. В. Аптекман, соратник Г. В. Плеханова еще по «Земле и воле», объясняет причину патристического грехопадения Г. В. Плеханова после 1914 г.: «Может быть, не будь тогда (в годы ликвидаторства — М. В.) Г. В. Плеханов в полной изоляции, он бы во время войны не оказался в рядах социал-патриотов. Может быть!» (О. В. Аптекман. Г. В. Плеханов. Из личных воспоминаний. «Колос», 1924, стр. 86). Это, конечно, не научное решение вопроса. Естественно, что и в собственных теоретических воззрениях Г. В. Плеханова существовали теоретические основания, корни политического отступления в его революционной деятельности. Очевидно, что какие-то грани, какие-то моменты, какие-то стороны генезиса целостного, стройного, монолитного мирозерцания, как не раз справедливо называл Г. В. Плеханов марксистское учение, были неверно поняты пионером русского марксизма.

В нашей историко-философской литературе уже указаны такие моменты, как непонимание Г. В. Плехановым диалектики как теории познания, непонимание закона единства и борьбы противоположностей как

ядра марксистской диалектики, ошибочное понятие «иероглиф» вместо «образ», «отражение», «копия» и др.

Но, на наш взгляд, в литературе недостаточно раскрыта такая важнейшая сторона воззрений Г. В. Плеханова, как решение им проблемы преемственности исторического материализма и гегелевской философии истории. Авторы многих трудов, посвященных анализу плехановского историко-философского наследства (В. А. Фомина. Философские взгляды Г. В. Плеханова. Госполитиздат, 1955; М. И. Сидоров. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957; Б. А. Чагин. Защита и обоснование Г. В. Плехановым диалектического и исторического материализма в борьбе против ревизионизма. Вступ. ст. ко II тому «Избранных философских произведений» Г. В. Плеханова, М., 1956; М. Т. Иовчук: Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. Соцэкгиз, 1960; разделы о Г. В. Плеханове в IV и V томах «Истории философии», изд. АН СССР, 1959 и 1961; Б. А. Чагин. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М., 1963), уделили много внимания заслугам выдающегося русского марксиста в обосновании и защите диалектического и исторического материализма в борьбе против народничества, неокантианства, струвизма, ревизионизма и многих других противников марксизма внутри и вне его. Они прекрасно показали, что в целом Г. В. Плеханов решительно боролся со всякими наскоками на марксизм, обстоятельно показали также, в чем видел Г. В. Плеханов противоположность марксистской и гегелевской диалектики.

И действительно, революционный, научный, жизненный подвиг пионера русского марксизма, основоположника русской социал-демократии Г. В. Плеханова велик и прекрасен. Он привлекал и будет всегда привлекать внимание исследователей, ибо с его именем связана не одна веха в истории русского и международного революционного рабочего движения. Связав начало своей революционной деятельности с народнической организацией «Земля и воля», Г. В. Плеханов к началу 80-х годов решительно порвал с народническими иллюзиями и прочно стал на позиции марксизма. На про-

тяжении 20 лет (1883—1903 гг.) Г. В. Плеханов создал ряд фундаментальных, высоко эрудированных, блестящих произведений по самым разнообразным разделам марксистской и философской мысли, в которых воплотилось величие духовного наследства Маркса — Энгельса. Его труды по вопросам материалистической диалектики, исторического материализма, критики народнической социологии, истории развития марксистской философии и домарксовских передовых философских теорий и др., а также его приоритет не только в русской, но и во всей международной социал-демократии в разоблачении оппортунизма, международного и русского ревизионизма, заслужили высокую оценку В. И. Ленина. «Его личные заслуги,—писал о Г. В. Плеханове В. И. Ленин, — громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903 гг., он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников» (Соч., изд. 5-е, т. 25, стр. 222).

Как мы упоминали, советская философская историография с достаточной полнотой и обстоятельностью осветила суть глубоко аргументированного плехановского противопоставления марксистской и гегелевской диалектики. В нашей работе основное внимание сосредоточивается не на этом, уже раскрытом, а на кардинальном, с нашей точки зрения, отклонении Г. В. Плеханова от марксистской теории в решении вопроса об отношении марксизма к гегелевской философии истории, слабо затронутом в указанных выше философских трудах.

2

В общей форме суть кардинального отклонения Г. В. Плеханова от марксистского решения вопроса о преемственности исторического материализма и гегелевской философии истории заключается в объективистском толковании им некоторых важнейших вопросов общественно-исторического процесса. Недостатки теоретического анализа Г. В. Плехановым философско-исторической концепции Гегеля становятся особенно очевидными на фоне принципиального решения В. И. Лениным вопроса об отношении марксизма к гегелевской философии истории.

Проблема отыскания истоков некоторого объективизма Г. В. Плеханова, с точки зрения решения им вопроса о взаимоотношении марксистской и гегелевской социологии, в имеющейся у нас историко-философской литературе о Г. В. Плеханове вообще опущена. Исключение составляют работы доктора философских наук, профессора В. Ф. Голосова—«Развитие В. И. Лениным теоретических основ Коммунистической партии в период ее возникновения в России (1894—1903)» (Сб. «К сорокалетию Великой Октябрьской революции». Красноярск, 1957); его же «Возникновение ленинизма — новый этап в развитии марксистской философии» (Красноярск, 1958); его же «В. И. Ленин об единстве теории и практики партии» (рукопись, Красноярский педагогический институт), в которых рассматриваются эти вопросы.

Нашей задачей является попытка вскрыть теоретический исток объективизма в анализе Г. В. Плехановым общественно-исторического процесса борьбы классов и партий в России, в определении задач российско-пролетариата и его партии в буржуазной революции. Известно, что В. И. Ленин систематически указывал на объективизм Г. В. Плеханова, повлекший за собой меньшевистские отклонения в политической области, борьбу против единственно до конца последовательно революционной стратегии и тактики партии, разработанной В. И. Лениным. С нашей точки зрения, объективизм Г. В. Плеханова во многом находится в соответствии с элементами ошибочного отождествления им основного положения исторического материализма об объективности законов общественно-исторического процесса с положением Гегеля о независимости этого процесса от сознания и воли людей, страсти, интересы и борьбу которых между собой дух всемирной истории использует в качестве средства реализации своего божественного плана. Совпадение по форме положения исторического материализма с положением Гегеля о независимости исторического общественного процесса от сознания людей оказалось в работах Г. В. Плеханова гипертрофированным до степени отождествления (в значительной мере) принципиально противоположных содержаний этих положений. Отсюда и пленение Г. В. Плеханова объективизмом философско-историче-

ской концепции немецкого мыслителя, что обусловило известное примирение со струвистским объективизмом, являвшимся модернизацией гегелевского объективизма применительно к нуждам и потребностям русского буржуазного либерализма. Это прежде всего сказалось в принижении Г. В. Плехановым роли субъективного фактора в период подготовки и осуществления первой русской революции.

3

В статье «Наши упразднители» В. И. Ленин писал, что преобладание интереса к той или другой стороне марксизма, выдвижение на первый план то одной, то другой стороны в нем зависит не от субъективных желаний того или иного мыслителя, а от совокупности исторических условий, в которых он живет. Так, у Г. В. Плеханова на протяжении славного творческого двадцатилетия (1883—1903 гг.) наиболее блестящие, выдающиеся произведения посвящены вопросам социологии, ибо историческая обстановка России 80—90-х годов XIX века выдвинула на первый план задачу идейного разгрома субъективной социологии народничества. «...Возможно ли было, — указывал В. И. Ленин на приоритет Г. В. Плеханова, — «формирование» русского марксизма без выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского?» (Соч., т. 20, стр. 126).

В общей философской системе Гегеля Г. В. Плеханов тоже более всего обращает внимание на философию истории. Это было обусловлено тем, что западноевропейские социологи неокантианства и представители отечественной эклектической субъективно-идеалистической народнической социологии пытались привлечь на свою сторону этику Канта и его агностицизм, противопоставляя их завоеваниям гегелевской идеалистической диалектики преимущественно в области понимания общественно-исторического процесса. «В наше время, — отмечал Г. В. Плеханов, — осуждают Гегеля ученые представители буржуазии, и осуждают потому, что понимают, или, по крайней мере, инстинктивно чув-

ствуют новаторский дух его философии. По этой причине теперь любят умалчивать о заслугах Гегеля; ему с большой охотой противопоставляют Канта...» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956—1958, т. I, стр. 448).

И далее Г. В. Плеханов отмечает, что буржуазных профессоров более всего привлекает свойственный философии Канта дуализм, отрыв идеалов от действительности, практическая бездейственность «категорического императива».

Стремясь отбить атаки неокантианцев на диалектику Гегеля, Г. В. Плеханов главное внимание при этом уделил его философско-исторической теории.

В статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» он подробно анализирует философско-исторические взгляды немецкого мыслителя, так как считает, что «в недалеком будущем можно ожидать нового оживления интереса к его философии и особенно к его философии истории» (подчеркнуто мною — М. В.). Огромные успехи рабочего движения, вынуждающие так называемые образованные классы интересоваться той теорией, под знаменем которой оно совершается, заставят эти классы заинтересоваться также историческим происхождением этой теории» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 422—423). В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он вновь развивал мысль о преимущественном значении философии истории в системе Гегеля.

«...Философия природы была слабою стороной этих (немецких — М. В.) мыслителей, главных заслуг которых надо искать в различных областях философии истории» (там же, стр. 588).

Много лет спустя, в 1915 году, Г. В. Плеханов констатировал по существу то же самое: «Между тем не подлежит сомнению, что философия природы есть самая слабая часть в системе Гегеля. В «Логике», в «Философии истории» и вообще в философии общественной жизни, а также в «Философии духа» Гегель несравненно сильнее. Тут-то и было особенно благотворно его влияние на развитие общественной мысли XIX века» (там же, т. 3, стр. 641).

Что более всего ценил Г. В. Плеханов в философии Гегеля? Во-первых, в качестве главных достоинств он

отмечает в ней диалектический метод исследования явлений в общественной науке. «...Он (Гегель — М. В.) смотрел на все ее явления с точки зрения процесса, *des Werdens* (становления), т. е. с точки зрения их возникновения и уничтожения» (там же, т. I, стр. 423). Во-вторых, ненависть к субъективному методу и подходу к истории, открывающему дорогу произволу, утопиям.

Г. В. Плеханов придавал огромное значение теоретико-познавательной роли диалектического метода Гегеля в формировании марксизма как научного социализма.

Однако следует подчеркнуть, что он отмечает большие заслуги диалектики как теории познания только в процессе формирования, становления марксизма и далее же не видит за диалектикой Маркса главного, основного теоретико-познавательного значения. Это привело к ряду больших последствий, неблагоприятно отразившихся на существовании философской теории Г. В. Плеханова.

В. И. Ленин отметил это в «Философских тетрадах»: «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова +; против кантианцев + основные вопросы, etc, etc). Из них о большой Логике, *по поводу нее, ее мысли* (т. е. собственно диалектика как философская наука) nil!» (Соч., т. 29, стр. 248).

Как известно, в «Философских тетрадах» В. И. Ленин дал совершенно иную общую оценку места философии истории в системе Гегеля. «В общем, — писал он, — философия истории дает очень и очень мало — это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован» (Соч., т. 29, стр. 289).

Вся история мирового коммунистического движения, история марксистско-ленинского этапа в философии, а также деградирующие тенденции новейшей буржуазной философии, фальсифицирующей передовые идеи Гегеля, подтверждают правильность всесторонней, глубокой оценки места философии истории в системе Гегеля, сделанной В. И. Лениным.

Если у Г. В. Плеханова в разборке трех частей си-

стемы Гегеля на первом месте — *философия истории*, на втором — логика (только как диалектика, а не как, по-ленински, тождество диалектики, логики и теории познания), на третьем — философия природы, то у В. И. Ленина это соотношение выглядит иначе: первое — логика, второе — философия природы, третья — философия истории. В. И. Ленин определяет степень ценности каждой из частей системы посредством «просвечивания», «просеивания» их сквозь призму диалектического метода — главного завоевания немецкого идеалиста. А поэтому и в философии природы он считает его стоящим на голову выше тогдашних производителей новых «измов», отрицавших в природе объективный детерминизм, причинность, закономерность и т. п.

В статье «О значении воинствующего материализма», своем подлинном философском завещании, В. И. Ленин указал на необходимость систематического изучения диалектики Гегеля для ученых-естествоиспытателей.

Если схематически, в общей форме, приблизительно сопоставить главные критерии в определении существа гегелевской философии в целом у В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, то надо отметить следующее:

У В. И. Ленина главный критерий — диалектичность — *противоречивость*, перерыв постепенности, спиралевидность, положенные в основу теории познания и логики.

Красной нитью проходящее в философии Гегеля положение — диалектика, логика, теория познания суть одно и то же — основное достижение немецкого мыслителя. «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечательно», отмечает В. И. Ленин. (Соч., т. 29, стр. 215). И еще: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания и политической экономии* [и истории]. Диалектика Гегеля есть, *по-стольку, обобщение истории мысли*» (В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 298).

У Г. В. Плеханова главный критерий — *объективизм* философско-исторической концепции обществен-

ного процесса, диалектичность понимания этого процесса. Здесь суть приобретений великого идеалиста, а не в теории познания, не в диалектике как логике и теории познания, не в диалектике как науке.

В чем же все-таки заключается скрытая пружина различного подхода В. И. Ленина и Г. В. Плеханова к философии истории Гегеля? Приписать Г. В. Плеханову просто чрезмерную увлеченность социологией в силу ее злободневности в те времена было бы слишком упрощенно. Ведь так же, как Г. В. Плеханов, В. И. Ленин в 90-е годы разоблачал клеветников исторического материализма за приписывание ими гегельянства марксизму, так же, как и он, В. И. Ленин различал Гегеля — революционера, диалектика и Гегеля — поклонника «самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета» (В. И. Ленин. Соч. т. 2, стр. 7).

4

Ключ к объяснению различий ленинского и плехановского отношения к философии истории Гегеля надо искать прежде всего в различии трактовки В. И. Лениным и Г. В. Плехановым кардинального противоречия между методом и системой.

И для В. И. Ленина и для Г. В. Плеханова противоречие между методом и системой — основа мистификации Гегелем исторического процесса. Но у В. И. Ленина это положение выдержано до конца последовательно. Великий продолжатель дела Маркса указывал на неотделимость диалектики Гегеля от его системы, на внутренне присущие этой диалектике идеализм и мистику, на невозможность простого отсечения диалектики немецкого мыслителя от его системы. У Г. В. Плеханова же противоположность диалектики и системы в философском учении абсолютного идеализма часто понималась слишком прямолинейно, как логическая непоследовательность немецкого мыслителя.

В формулировке марксистского и гегелевского решения основного вопроса философии применительно к обществу Г. В. Плеханов в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» писал: «Благодаря Марксу

материалистическая философия возвысилась до цельного, гармонического и последовательного мирозерцания. Мы уже знаем, что материалисты прошлого столетия оставались весьма наивными идеалистами в области истории. Маркс же изгнал идеализм и из этого последнего его убежища. *Точно так же, как Гегель, он видел в истории человечества законообразный процесс, независимый от человеческого произвола; точно так же, как Гегель, он рассматривал все явления в процессе их возникновения и исчезновения, точно так же, как Гегель, он не удовлетворился метафизическим, бесплодным объяснением исторических явлений, и, наконец, точно так же, как Гегель, (подчеркнуто мною — М. В.) он старался свести к общему и единому источнику все действующие и взаимодействующие силы в общественной жизни. Но он нашел этот источник не в абсолютном духе, а в том самом экономическом развитии, к которому — как мы видели выше — вынужден был прибегать и Гегель в тех случаях, когда идеализм даже в его сильных и искусных руках оказывался бесильным и негодным оружием. Но то, что у Гегеля является случайной, более или менее гениальной догадкой, становится у Маркса строго научным исследованием» (Избранные философские произведения, т. I, стр. 444—445).*

У Г. В. Плеханова получилось, что К. Маркс шел во многом по стопам Гегеля, изгоняя идеализм из его последнего убежища, из области истории.

Г. В. Плеханов акцентирует свое внимание больше на тождество, а не на отличие марксистской и гегелевской философии, великолепно подчеркивает преемственность их, но недостаточно четко определяет их противоположность. Особенно ярко это сказалось в период развернувшейся вокруг исторического материализма народнической дискуссии в 90-х годах.

Лидер либерального народничества Н. К. Михайловский утверждал, что основной вопрос философии в применении к обществу решен Марксом по-гегелевски. «Пользуясь образным выражением Энгельса, можно, следовательно, сказать, что экономический материализм ставит гегельянство на ноги, причем пропорции всего метафизического здания остаются неприкосновенными... Затем в общественном сознании Энгельс торопится

вступить в следы Гегеля, но, обернув их задом наперед...», — писал Н. К. Михайловский («Русское богатство», 1894, № 10, стр. 52, 69). На это клеветническое измышление Г. В. Плеханов ответил в статье «Еще раз г. Михайловский, еще раз «триада», где основное внимание снова обратил не на принципиальное различие марксистской и гегелевской точек зрения на взаимоотношение общественного бытия и общественного сознания, а, напротив, на их тождество. У Г. В. Плеханова получилось, что положение исторического материализма — не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание — не противоречит философско-исторической теории Гегеля. Г. В. Плеханов писал: «И вот мы стали припоминать, каково было действительное отношение исторической теории Маркса к философии Гегеля. Прежде всего мы «заметили», что у Гегеля историческое движение объясняется вовсе не взглядами людей, вовсе не их философией. Стало быть, твердя, что не философия людей обуславливает собой их общественное бытие, сторонники «экономического» материализма оспаривают вовсе не Гегеля; стало быть, *в этом отношении*, они никакой антитезы ему не представляют» (Избранные философские произведения, т. I стр. 733—734).

Что характерно для этих рассуждений? Здесь остается открытым вопрос о том, каково же действительное различие марксистского и гегелевского объективизма, как гегелевский всемирный дух мировой истории становится основой мистификации общественного процесса.

Во многих работах Г. В. Плеханова можно найти достаточно ссылок на идеалистическую несостоятельность гегелевской коренной причины движения всемирной истории — всемирного духа, демиурга действительности. Но характерно однако же то, что среди работ Г. В. Плеханова, прямо или косвенно посвященных немецкому идеалисту, нет ни одной, которая бы содержала всестороннюю критику идеалистического объективизма гегелевской теории общественного развития, которая бы глубоко вскрывала, анатомировала гегелевскую мистификацию общественного процесса.

В. И. Ленин, напротив, отмечает в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-

демократов», что «диалектический метод... состоит именно в отрицании приемов идеализма (подчеркнуто мною — М. В.) и субъективизма в социологии» (Соч., т. I, стр. 185). Сражаясь с Михайловским и другими народниками, В. И. Ленин с позиций последовательно марксистского объективизма не только оспаривает вред субъективно-идеалистической системы взглядов, но и указывает на противоположность марксистского метода идеалистической гегелевской конструкции общественного процесса.

Ход полемики с народниками в данном вопросе у В. И. Ленина совершенно иной, чем у Г. В. Плеханова. У В. И. Ленина мы учимся глубокому научно-партийному противопоставлению марксистского основания общественного процесса и гегелевскому и субъективно-идеалистическому представлению его сущности. У Г. В. Плеханова мы обнаруживаем момент отождествления марксистского и гегелевского решения вопроса об отношении бытия и сознания («Еще раз г. Михайловский, еще раз «триада»). Недаром Г. В. Плеханов часто употребляет термин «исторический идеализм», разумея под ним только субъективно-идеалистическое, прагматическое толкование истории. Недаром он обращает мало внимания на мистическую сработку Гегелем философии истории.

5

Проводимая либеральными народниками апология субъективного идеализма в истории, идеализма, препарированного ницшеанскими и пр. взглядами, естественно, заставляла выдающегося теоретика и пропагандиста марксизма Г. В. Плеханова обращаться в борьбе с ними ко всему положительному, необъятному наследию Гегеля как мыслителя, в своих философско-исторических взглядах стоящего несравненно выше всей предшествующей и последующей за Марксом буржуазной социологии. Противопоставляя историческому субъективизму объективизм Гегеля, чуждый эклектической сущности волюнтаристической, утопической школы народничества, Г. В. Плеханов выразил лишь один момент в становлении марксистской философии — момент преемственности марксистского объективизма и объек-

тивизма Гегеля. Другой, не менее важный, момент заключался в прстивопоставлении марксистского объективизма гегелевскому, но его-то, как мы разобрали выше, Г. В. Плеханов последовательно не провел. А этот момент выражал не только противоположность пролетарского и буржуазного мировоззрения, пролетарской и буржуазной философско-исторической науки. Противопоставить марксистский и гегелевский объективизм означало: 1) определить противоположность исторического материализма разновидностям субъективно-идеалистического, волюнтаристического взглядов на историю, фиксируя в этом все положительное значение Гегеля, в пределах идеализма разоблачавшего субъективизм; 2) определить противоположность исторического материализма объективно-идеалистическому истолкованию истории, открывающему дорогу фаталистическим воззрениям; 3) *определить, обосновать, защитить, развить исторический, а не внеисторический, конкретный, а не абстрактный характер марксистского решения вопроса о первичности бытия и вторичности общественного сознания.*

Как мы говорили выше, дело марксистского противопоставления исторического материализма разновидностям субъективно-идеалистического, волюнтаристского взгляда на историю было блестяще выполнено Г. В. Плехановым, что неоднократно отмечал В. И. Ленин. Второй момент — определение противоположности исторического материализма объективно-идеалистическому истолкованию истории — напротив, не нашел у Г. В. Плеханова последовательного, принципиального, всестороннего рассмотрения. Следствием недостаточного критического отмежевания марксизма от гегелевского объективизма у Г. В. Плеханова явился оставшийся нераскрытым общий фаталистический налет гегелевской философии истории. Практически это сказалось на том, что Г. В. Плеханов опоздал с критикой объективистской, фаталистической концепции «легальных марксистов». В общем плане он уделил много внимания полемике со сторонниками фаталистической интерпретации исторического материализма, беспощадно разоблачал прославивших себя в этом неокантианцев, либеральных народников и др. (Этому вопросу уделено немало внимания в нашей историко-философ-

ской литературе). Г. В. Плеханов называл «злой иронией» приписывание квиетизма, фатализма самой действенной философии — философии марксизма. Его собственный вклад в теорию марксизма в значительной мере был выполнением завещанного Марксом—Энгельсом дела выяснения обратного влияния надстройки на экономический базис, общественного сознания на общественное бытие, различных форм общественного сознания на политический строй общества и т. д. Но Г. В. Плеханов нигде, ни в одной работе не выясняет связи между фатализмом гегелевской философии истории и ложными обвинениями исторического материализма в вере «в непререкаемость исторического процесса» со стороны противников марксизма. А эта связь, безусловно, существовала. Ее до предела ясно раскрыл В. И. Ленин, указав точный адрес, — «легальный марксизм». Восприятие буржуазной общественной наукой марксизма, отражение ею марксизма шло по линии объективистского истолкования общественного процесса. На месте обожествленной гегелевской абсолютной идеи становилась не менее обожествленная «история» как неотвратимая, «непререкаемая» неизбежность.

Распространение легальными марксистами идей марксизма в вульгаризированном виде способствовало, тем не менее, окончательному идейному разгрому народничества, еще ранее опровергнутого всем ходом экономического развития России. Это отмечает В. И. Ленин в «Что делать?»: «...Соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)» (Соч., т. 6, стр. 16). Однако В. И. Ленин с первых шагов своей идеологической борьбы с народничеством сразу же, с 1894 года, повел идейную борьбу на два фронта — с народниками и с временным союзником социал-демократии — легальным марксизмом. Работа «Экономическое содержание народничества» была направлена против объективистского анализа Струве, Булгаковым и др. экономического состояния России. Г. В. Плеханов воздерживался от открытой полемики с легальными марксистами до

1899 года, а его «Критика наших критиков», специально написанная в духе Анти-Струве, появилась только в 1901 году.

«...Меня крайне удивляет, — писал В. И. Ленин 2/IX 1898 г., — почему это автор «*Beiträge zur Geschichte des Materialismus*» не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников» (Соч., т. 46, стр. 15). В письме к А. Н. Потресову от 27/VI 1899 г. он вновь заметил: «Не понимаю только одного, как мог Каменский оставить без ответа статью Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса!» (там же, стр. 31).

Позднее, в 1908 году, в письмах к А. Богданову в «*Materialismus militans*», Г. В. Плеханов объяснял свое молчание по поводу критики Струве марксистской философии тем, что он не думал «огрызаться» на все духовные прихоти капризной и нервной дамы — (русской) интеллигенции» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 3, стр. 210).

Это объяснение поверхностно, оно не затрагивает сути дела, состоящей в том, что до 1900 года Г. В. Плеханов не считал струвизм опасным противником марксистской философии. Он нарушил меру идейной принципиальности в союзе социал-демократии с легальными марксистами в борьбе с субъективно-народнической теорией. Призыв Струве — «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» — он считал «благородным увлечением западника».

В. И. Ленин, в отличие от Г. В. Плеханова, сразу оценил крайнюю опасность объективизма Струве, предвидел последующий очевидный, откровенный оппортунизм Струве. В этой прозорливой оценке струвизма значительная роль принадлежит принципиальному, последовательному, всестороннему противопоставлению В. И. Лениным марксистского объективизма гегелевскому объективизму.

6

Чтобы дать конкретно-историческое, творческое решение вопроса о первичности общественного бытия и

вторичности общественного сознания, надо раскрыть диалектику категорий общественного развития, в особенности диалектику необходимости и свободы.

Одной из центральных проблем марксистской философской мысли в России, начиная с середины 90-х годов прошлого столетия, была проблема диалектики необходимости и свободы. Прежде всего сама конкретная история «подавала заявку» на рассмотрение этой проблемы.

Вопрос о необходимости и свободе, в условиях отчетливо обнаружившихся симптомов грядущей буржуазно-демократической революции в России, превращался в вопрос об объективных и субъективных сторонах революционного процесса, о мобилизации пролетарских сил на сознательную, организованную борьбу с самодержавием, о стратегической и тактической линии партии, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. д.

Как известно, и это в особенности подтвердили события первой русской революции, В. И. Ленин и Г. В. Плеханов по-разному решали названные задачи. Общая принципиальная трактовка Г. В. Плехановым диалектики необходимости и свободы отмечена печатью значительного наслоения объективизма, проявившегося в отодвигании на более отдаленный срок социалистической революции, в преувеличении роли либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции, в недооценке революционной способности крестьянства и др. В. И. Ленин отмечал, что плехановское «стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции» (Соч., т. 3, стр. 14) является искажением подлинной диалектики исторического процесса.

Другим важным стимулом в разработке упомянутой проблемы явилась теоретическая борьба революционного марксизма против двух главнейших искажений общественно-исторического процесса — либерально-народнического, с одной стороны, струвистского — с другой. Можно сказать без преувеличения, что заслуги Г. В. Плеханова в деле опровержения народнической концепции абсолютной свободы и отрицания исторической необходимости, как социологической категории,

безмерны. Что же касается струвистского извращения диалектики необходимости и свободы, то и здесь Г. В. Плехановым сделано многое, хотя и с опозданием, что признавал он сам. И это «опоздание» и указанные недостатки плехановской социологической теории в решении вопроса о диалектике необходимости и свободы в годы первой русской революции имеют определенную теоретико-познавательную сущность.

Сама по себе подмена диалектики в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова (см. В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 369), которую констатировал В. И. Ленин и которая привела Г. В. Плеханова к меньшевизму, к отрыву теории от практики революционного движения, имеет свои гносеологические корни. Мы не беремся анализировать все эти корни, выяснять их связи. Нашей задачей является исследование одного из гносеологических оснований плехановского разрыва теории и практики — недостаточно критического отношения Г. В. Плеханова к центральной проблеме философии истории Гегеля — проблеме необходимости и свободы.

Важнейшая, существенная роль *гносеологического* момента гегелевского объективизма сказалась прежде всего в решении Гегелем проблемы необходимости и свободы. *Онтологический* момент гегелевского объективизма в этом вопросе Г. В. Плеханов фиксирует, но гносеологический его оттенок пропускает, не придает ему должного значения. Он оставляет не разобранным вопрос о гносеологической роли развивающейся по диалектическим законам абсолютной идеи, что особенно проявилось в отрицании им антиобщественного, антигуманистического характера немецкой идеалистической философии.

Вопреки ясному указанию Маркса, что «у реального гуманизма в Германии нет более опасного врага, чем спиритуализм или спекулятивный идеализм» (К. Маркс и Ф. Энгельс, изд. 2-е, т. 2, стр. 7), он утверждал, охраняя Гегеля от этого резкого замечания Маркса, что «в момент борьбы трудно предохранить себя от крайностей и почти невозможно уберечься от несправедливости по отношению к врагу» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 2, стр. 699).

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Соч., т. 41, стр. 8).

Вот эта выстраданность высоких гражданских идеалов, огромная мужественность в преодолении временных ошибок, разочарований во имя благородных *гуманистических* идей была в высшей степени присуща блестящей плеяде русских революционеров-демократов — Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому. Достаточно вспомнить теоретический подвиг В. Г. Белинского, мучительность его раскаяния по поводу вызванного философией истории Гегеля, в частности учением о свободе и необходимости, временного примирения с «русской действительностью». Сопутствующее гегелевскому идеалистическому обоснованию исторического процесса оправдание разумности, неотвратимости существовавших в обществе бесчеловечных порядков, пренебрежении, безразличие к чувствам, мыслям простых людей породили страстный отказ В. Г. Белинского от консервативных философских выводов исторической теории Гегеля. В. Г. Белинским, как он сам писал, овладели идеи гражданской доблести, пафос правды и чести.

«Пример» В. Г. Белинского, казался бы, отчетливо показывает действительную для того времени опасность антигуманистической природы гегелевской объективно-идеалистической трактовки исторического процесса, порождающей политический индифферентизм, общественную дряблость, нравственную безликость. Этот пример великолепно подтверждает, что не только для Германии 40-х годов, но и для России того же времени спекулятивный идеализм был самым опасным противником реального гуманизма.

Нам представляется, что причиной плехановского несогласия с марксовской характеристикой антигуманистической сущности гегелевской философии было недостаточно критическое отношение основоположника русского марксизма к последствиям гегелевской идеа-

листической трактовки общественного прогресса. Г. В. Плеханов отмечал, что «для Гегеля диалектика социальной жизни, как и всякая диалектика конечного вообще, в последнем счете имеет *мистическую причину*, природу бесконечного, абсолютного духа. У Маркса она зависит от совершенно реальных причин: от развития средств производства, которыми располагает общество» (Избранные философские произведения, т. 2, стр. 162). Но мистификацию Гегелем исторического процесса он видел лишь в начальном акте — признании абсолютной идеи, в самом же содержании его философской исторической теории не усматривал никакого «мистицизма бессознательного» (там же, т. I, стр. 440).

Почему это произошло? На наш взгляд, объяснением этому служит отношение Г. В. Плеханова к гегелевскому решению проблемы необходимости и свободы.

7

Г. В. Плеханов справедливо придавал самой проблеме свободы и необходимости, способу ее разрешения и даже моральному воздействию того или иного вывода из этой проблемы чрезвычайно большое значение. Поэтому и первое диалектическое представление этой проблемы Шеллингом—Гегелем он считал истинные великим завоеванием времени. Труднейшая проблема философии истории, над которой на протяжении многих лет безуспешно трудились различные школы философов и отдельные философы, была, по мнению Г. В. Плеханова, *окончательно* решена в гегелевском варианте (свобода есть познание необходимости). Такое преувеличенно абсолютное толкование Г. В. Плехановым гегелевской диалектики необходимости и свободы присуще многим положениям из его работ. Вот как это отразилось в сочинениях Г. В. Плеханова: «Гегель *окончательно* (подчеркнуто мною — М. В.) разрешил антиномию между свободой и необходимостью» (Избранные философские произведения, т. I, стр. 442—443).

«Известно, что субъективисты не умели решить этот вопрос (вопрос о взаимоотношении свободы и необходимости — М. В.) и бились в нем, подобно Матвею, как мышь в западне. Они спрашивали марксистов: «Где же человек?» Марксисты отвечали им, ука-

зывая на данное еще Гегелем и усвоенное Марксом и Энгельсом решение этого вопроса» (подчеркнуто мною — М. В.), (там же, т. 3, стр. 398).

Или еще:

«Трудность (в решении вопроса о свободе и необходимости — М. В.) действительно существовала некогда для социальной и исторической литературы. Но с нею справилась уже немецкая идеалистическая философия первой половины XIX в. *Воспользовавшись теоретическим следствием германской философии, исторический материализм не мог видеть* никакого затруднения в уже решенной задаче» (подчеркнуто мною — М. В.). (Г. В. Плеханов, Собр. соч., М.-Л., 1928, т. 16, стр. 40).

Можно привести еще немало аналогичных суждений Г. В. Плеханова по этому вопросу. Естественно, что возникает несоответствие между такими утверждениями и принадлежащим Г. В. Плеханову положением о революционном перевороте в философии, совершенном Марксом и Энгельсом. Ведь если центральная проблема философии истории, предшествовавшей основоположникам марксизма, проблема соотношения объективного и субъективного в общественном процессе положительно, окончательно решена Гегелем, то неизбежно встает вопрос о том, что же нового внесли творцы марксистской философии в достояние человеческой мысли о свободе и необходимости. Это новое, по мнению Г. В. Плеханова, состояло в следующем: «Современный диалектический материализм несравненно лучше идеализма уяснил себе ту истину, что люди делают историю бессознательно: с его точки зрения исторический ход определяется в последнем счете не человеческой волей, а развитием материальных производительных сил. Материализм знает также, *когда* начинает летать «сова Минервы», но в полете этой птицы, как и во многом другом, он не видит ничего таинственного. Он сумел применить к истории найденное идеализмом отношение между свободой и необходимостью» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 445). Это, конечно, чисто количественная, а не качественная характеристика заслуг марксистской философии, она не увязывается с представлениями о совершенном марксизмом революционном перевороте в философии, который впервые в марксистской литературе констатировал сам Г. В. Плеханов.

Говоря о «применении» марксизмом гегелевской постановки вопроса о взаимоотношении необходимости и свободы, Г. В. Плеханов ссылается на соответствующий раздел «Анти-Дюринга», где Ф. Энгельс писал: «Гегель первый правильно *представил* (подчеркнуто мною — М. В.) соотношение свободы и необходимости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116). Гегель именно впервые правильно *представил* свободу, как продукт исторической необходимости на известной ступени ее развития, но не смог, однако, решить эту проблему *окончательно* (сама по себе такая постановка вопроса противоречит духу диалектического материализма), как неоднократно упоминает Г. В. Плеханов.

Надо сказать, что в нашей марксистской философской историографии, в том числе в ряде превосходных работ, посвященных вкладу Г. В. Плеханова в развитие марксистской философии (монографии М. Т. Иовчука, Б. А. Чагина и др.), нигде не только не анализируются, но просто не оговариваются приведенные высказывания Г. В. Плеханова о соотношении марксистского и гегелевского решения проблемы необходимости и свободы. Есть в нашей литературе и такие работы, где безоговорочно приводятся плехановские оценки, практически приводящие к тождеству марксистскую и гегелевскую диалектику необходимости и свободы (например, диссертационная работа В. П. Ткаченко «Г. В. Плеханов как историк марксистской философии», М., 1959, стр. 48).

Нам представляется, что для воспроизведения подлинно научного подхода к определению действительно-го места и роли гегелевской диалектики свободы и необходимости, нужно обратиться к ленинским положениям, к ленинским оценкам гегелевской диалектики. Основой подхода В. И. Ленина к гегелевской трактовке необходимости и свободы является принципиальное разграничение им двух аспектов гегелевского толкования соотношения необходимости и свободы — аспекта диалектического, дающего гениальные догадки, зародыши исторического материализма, и аспекта объективно-идеалистического, под действием которого, говоря словами К. Маркса, «история человечества превращается в историю *абстрактного* и потому для действительного человека *потустороннего духа* человечества» (К. Маркс и

Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 93). Ленинские «Философские тетради» великолепно свидетельствуют об этом.

С нашей точки зрения, центр теоретического приложения плехановских недостаточно критических выводов из гегелевской диалектики необходимости и свободы лежит в его работе «К вопросу о роли личности в истории».

В советской философской историографии считается, что наилучшей интерпретацией марксистского учения о роли личности в истории является работа Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории». Это, например, утверждается и в последней, вышедшей в свет в 1963 г., монографии проф. Б. А. Чагина «Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии». «До сих пор его (Г. В. Плеханова — М. В.) статья «К вопросу о роли личности в истории», впервые опубликованная в журнале «Научное обозрение» за 1898 год, представляет собой *лучшую* (подчеркнуто мною — М. В.) работу на эту тему».

Нет сомнения, что эта работа Г. В. Плеханова написана с присущим большому таланту выдающегося пропагандиста марксистской теории огромной эрудицией, полемическим остроумием, выразительностью. Трудно возразить по существу рассматриваемых там положений о связи личности и необходимости, личности и объективной закономерности исторического процесса, личности и исторической случайности и т. д. Но тем не менее общее изложение марксистского взгляда на роль личности в истории дается скорее с позиций абстрактных, объективистских, чем конкретно-исторических.

В чем же выражается, в общей форме, отход Г. В. Плеханова от принципов марксистского исследования данного вопроса?

Общий методологический принцип изложения вопроса дается не в конкретно-историческом анализе, что составляет главное требование марксизма, а по большей части в гегелевском, умозрительном варианте анализа. Обозрение с марксистской точки зрения вопроса о роли личности в истории воспроизводилось Г. В. Плехановым в тот момент, когда в России начался третий период русской социал-демократии — «период разброда, распада, шатания... Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России,

вливая в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема... Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выпренными доводами» (В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 181).

В этих условиях тяжелого, болезненного развития российской социал-демократии вопрос о том, какую действительную роль может играть личность в историческом процессе, приобретал особо острый теоретический и практический характер, превращался в вопрос о формах, путях, методах воспитания сплоченного, организованного, действительно передового отряда самого революционного класса — пролетариата, в вопрос о формировании пролетарской железной гвардии революционеров. Рассматривая работу Г. В. Плеханова под таким углом зрения, мы должны признать, что она не отвечала всецело первоочередным потребностям (теоретическим и практическим) русского социал-демократического движения. Ленинская работа «Что делать?» — вот, с нашей точки зрения, действительная кладовая конкретно-исторического подхода марксизма к вопросу о роли личности в истории. В чем суть этого? В том, что В. И. Ленин вопрос о роли личности в истории решает в органической связи с марксистским учением о классах и классовой борьбе, с диалектикой взаимосвязи народных масс — рабочего класса — партии.

СОДЕРЖАНИЕ

Голосов В. Ф., Никольский И. Г., Гжещак В. А. — Некоторые вопросы предмета, метода и структуры курса основ научного коммунизма	3
Гжещак В. А. — К вопросу об исчерпывании условий для буржуазно-демократического этапа революции в капиталистических странах	24
Гжещак В. А. — К вопросу о развитии ленинского учения о сочетании демократических и социалистических задач пролетариата на первом этапе общего кризиса капитализма	38
Максимов Н. В. — О некоторых сторонах диалектики основного противоречия современной эпохи	62
Русакова А. И. — Зародыши и начала идей утопического коммунизма в народно-демократическом движении трудящихся масс XI—XVII вв.	91
Шейнфельд А. Н. — Коммунизм, труд, гуманизм	107
Голосов В. Ф., Кириллова Э. Н. — Общественные фонды потребления, их гуманистическая сущность	128
Чинакова Л. И. — К вопросу об интересе как социологической категории	152
Никольский И. Г. — Об эстетическом качестве продукции	170
Фалалеев А. Н. — Стирание существенных различий между работниками умственного и физического труда в ходе новаторской деятельности	195
Вощикова М. И. — Некоторые особенности теоретического анализа В. И. Лениным и Г. В. Плехановым философии истории Гегеля. (Извлечение из подготовляющейся автором кандидатской диссертации)	217
Березовский П. И. — Рассмотрение действительности как единства противоположностей —	

необходимая предпосылка преодоления метафизической ограниченности решения основного вопроса философии до К. Маркса	241
Лазарев В. В. — Материалистическая теория познания и проблема знака	266
Николаев Р. Е. — К вопросу о причинах религиозности некоторой части детей и подростков .	286

ВОПРОСЫ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА И ФИЛОСОФИИ

Редактор **Л. Лифшиц**. Техн. редактор **Т. Попова**. Корректоры **Л. Алексеева, З. Кофман**.

Сдано в набор 18 февраля 1965 г. Подписано к печати 28 июня 1965 г. Объем 16,06 уч.-изд. л., 15,37 п. л. Формат бумаги 84x108^{1/32}.
Заказ № 1849. Тираж 800 экз. Цена 96 коп. АЛО3381.

Красноярское книжное издательство, проспект Мира, 89.
Тип. «Красноярский рабочий», г. Красноярск, проспект Мира, 91.

Зр 105248

